

Елена

<http://www.illuminator.info/lichniy-opyt/elena>

У нас с Леонидом Семеновичем двое детей. Дима – старший, Наташа на 4 года младше.

У меня не было никаких сомнений в его ориентации. Я только радовалась его успехам. Дима тогда работал в Японии. Что касается его сестры, Наташи, то ей он сказал раньше, чем нам. Он ей сказал еще и затем, чтобы, если вдруг я узнаю, хотя бы она мне пришла на помощь, поддержала меня. Потому что когда ты это узнаешь, ты не можешь бежать даже к подругам. К этому приходишь только потом. Это сейчас я спокойна, все мои подруги знают, я могу с любым человеком поговорить. Я пережила свою внутреннюю гомофобию, свои внутренние страхи. Но на первых порах я бы оказалась совсем одна, и он мне вот так соломки подстелил. А когда Дима уже приехал окончательно, то он через пару дней после своего приезда выбрал момент и сказал.

Только столкнувшись сама с такой проблемой поняла, что нельзя осуждать кого-то, нельзя отбрасывать чьи-то проблемы, чьи-то переживания. Я не относилась к геям отрицательно, я была равнодушна. Потому что я действительно думала, что это где-то далеко, и меня не может коснуться.

Как отец отреагировала? А отец сказал: “Это же наш сын. Он же прекрасный. Мы его любим. Он замечательный. Он что, со вчерашнего дня, когда ты это узнала, стал хуже? Он всегда был таким”.

Дима сейчас женат. У них зарегистрирован брак, правда за границей. То есть это семья. что составляет семью: когда ты приходишь домой и тебя ждет человек, которому ты рассказываешь, что с тобой случилось, с которым ты делишься радостью, который тебя поддержит, если что-то случится, кому интересны твои переживания. Вот это и называется “любовь”, “нравственность”.

Я-то думала, когда на меня это все свалилось: “Ой, какой ужас! Я совершенно одна”. Но я поняла, что есть и другие матери. Раз есть другие геи, значит, у них тоже есть матери, и, наверное, эти матери тоже что-то переживают. И, наверное, у этих матерей тоже какие-то невыясненные вопросы. Может быть, они мне что-то объяснят? Может быть, я им что-то объясню? У нас, в конце концов, есть о чем поговорить, у нас есть, что обсудить. Я увидела, что они нормально живут, и мне тоже так захотелось.

Я перестала воспринимать гомосексуальность моего сына как что-то тяжелое, что мне придется преодолеть. Это нормально. Я приняла это. Сейчас я могу сказать любому человеку, глядя ему в глаза, что у нас такая вот семья.

Я знаю матерей, оказавшихся в такой же ситуации, которые и не пытаются с этим справиться. Сдаются сразу, лапки вверх: “Я несчастна, мой сын – не такой, мой сын – ущербный.” Все равно, есть надежда, что когда-нибудь им надоест находится в болоте и захочется немножко света, поднимут голову.

Человек - такой. Остальное не имеет значения. Чем больше его ломают, тем хуже. Но ломают ведь из самых лучших побуждений, чтобы был как все, чтобы у него была более легкая жизнь. Не будет у них более легкой жизни, если они

будут жить не своей жизнью, если они будут притворяться, если они будут все время врать или мимикрировать, чтобы другие не осудили.

Мы должны делать все, чтобы наслаждаться жизнью, другой ведь не будет, у нас не девять жизней. Я считаю, что он обязан устроить эту жизнь, свою единственную, драгоценную жизнь так, как ему надо, так, как ему лучше.

<http://illuminator.info/>